

Словно тонешь в открытом море.

Барахтаешься в темной воде: ни звука вокруг, дышать нечем, и вот-вот потеряешь сознание. Но даже уходя на дно, ты до последнего вздоха хочешь утащить его за собой.

Цзян Шиянь сжал кулак, изо всех сил надавив на рану на ладони — резкая боль помогла хоть немного прийти в себя.

Увидит ли он теперь в его глазах тошнотворное омерзение? Станет ли смотреть на него как на законченного извращенца?

Тот юноша из его воспоминаний всегда улыбался. В его глазах отражалось солнце, сияли звезды и луна — недостижимый, прекрасный образ, к которому он никогда не посмел бы прикоснуться.

В комнате повисла тяжелая тишина. Время шло, но не доносилось ни звука. Цзян Шиянь не решался поднять голову, уверенный, что Линь Чжоу уже ушел и больше никогда не захочет его видеть.

Вдруг его пнули по ноге. Раз, потом еще раз. Сквозь пелену отчаяния прорвался знакомый, раздраженный голос:

— Поднимайся.

Цзян Шиянь медленно поднял голову. Перед ним стоял Линь Чжоу — лицо его казалось одновременно знакомым и бесконечно далеким.

Сидящий на полу у стены мужчина выглядел жалко: рубашка растрепана, темные волосы в беспорядке, одна нога согнута в колене, а с ладони, бессильно лежащей на бедре, хлещет кровь.

Видя, что тот не двигается, Линь Чжоу раздраженно стиснул зубы. Он ухватился за подол собственной рубашки, с треском оторвал широкую полосу ткани, присел и наспех перевязал раненую руку. Алая кровь мгновенно пропитала импровизированный бинт.

«Черт. Ну и дурила, — подумал Линь Чжоу, затягивая узел. — Так себя полосонуть...»

Линь Чжоу бесцеремонно схватил Цзян Шияня за плечо и рывком поднял на ноги.

Возле клуба их ждал Цю Цянь. Увидев, как Линь Чжоу тащит на себе Цзян Шияня — оба потрёпанные, грязные, словно только что из зоны бедствия, — помощник опешил. Он испуганно заозирался по сторонам, высматривая папарацци.

Линь Чжоу бесцеремонно запихнул Цзян Шияня на заднее сиденье, сел следом и коротко бросил Цю Цяню:

— В больницу. Живо.

По пути Линь Чжоу набрал номер директора Чэня, чтобы тот сразу подготовил дежурного врача.

Поток холодного воздуха из приоткрытого окна понемногу протрезвил Цзян Шияня. Вместе с ясностью пришел удушающий страх, а за ним — жгучая досада, нервное напряжение и стыд. Он не смел повернуться к Линь Чжоу, боясь прочесть на его лице безразличность или увидеть следы собственной вспышки ярости.

— Брат Чжоу, что случилось? — испуганно прошептал Цю Цянь, поглядывая в зеркало заднего вида. — Вы с господином Цзяном в порядке?

Ему никто не ответил.

Помощник снова мазнул взглядом по зеркалу. Салон машины был просторным, но эти двое уселись по разным углам заднего сиденья так, словно между ними пролегла пропасть. Оба упрямо смотрели в свои окна, и от их молчания воздух в машине казался тяжелым, почти осязаемым.

Цю Цянь сглотнул и больше не осмелился задавать вопросы.

Цзян Шиянь опустил стекло еще ниже, подставляя лицо ледяному ветру. Достав телефон здоровой левой рукой, он быстро набрал номер.

— Сяо Жань, найди Фан Яня, — глухо произнес он.

Выслушав быстрый ответ на том конце провода, Цзян Шиянь добавил:

— Да, он только что был в клубе. Сейчас не знаю где. Найди его как можно быстрее.

Закончив разговор, он устало потер переносицу и обратился к водителю:

— Останови машину. Высади меня прямо здесь, и поезжайте домой.

— А? — Цю Цянь растерянно зыркнул в зеркало на Линь Чжоу.

Тот промолчал, лишь резким жестом велел ехать дальше.

— Притормози, прошу тебя, — тихо, почти умоляюще повторил Цзян Шиянь.

— Да завали ты уже свой рот! — не выдержал Линь Чжоу и рявкнул на него.

Цю Цянь аж вжался в руль.

«Мамочки, что происходит? Страшно-то как...»

В салоне снова воцарилась звенящая тишина.

В приемном покое их действительно ждали. Рана оказалась глубокой, края разошлись, обнажая белесую плоть — а из-за того, что Цзян Шиянь еще и сам сдавливал руку, выглядело это зрелище поистине жутко.

Линь Чжоу молча наблюдал за работой хирурга, от него буквально веяло ледяным холодом.

Дезинфекция, местная анестезия, швы... Провозились до глубокой ночи. Цзян Шияню и без того было худо от выпитого, а после пережитого шока и кровопотери его лицо приобрело мертвенно-бледный оттенок.

Врач выписал обезболивающие и противовоспалительные средства, наказав регулярно приходить на перевязки. Цю Цянь быстро сбежал в аптеку при больнице, забрал лекарства и отвез обоих домой.

Перед тем как уехать, помощник робко шепнул Линь Чжоу:

— Брат Чжоу, что бы там ни стряслось, господину Цзяну сейчас очень плохо. Пожалуйста, не ссорьтесь больше.

— Знаю. Езжай аккуратно, — бросил Линь Чжоу.

Линь Чжоу шел следом за Цзян Шиянем по мощеной дорожке двора. Тот долго шарил по карманам, но так ничего и не нащупал.

— Ключи потерял, — едва слышно вздохнул он.

Линь Чжоу вспомнил тот кошмар, что они устроили в клубе, и мысленно признал, что потерять ключи в такой суматохе было делом нехитрым. Подавив вспышку глухого раздражения, он холодно скомандовал:

— Поднимайся ко мне.

Подъем на второй этаж в лифте занял от силы пару секунд. Щелкнул замок, вспыхнул свет. Сбросив обувь, Линь Чжоу буквально рухнул на диван — тело ломило от дикого напряжения.

Цзян Шиянь замер у порога. Закрыв дверь, он медленно прошел вглубь комнаты и остановился, боясь поднять глаза. До этого момента он не решался взглянуть на друга в упор, страшась увидеть нанесенные им увечья.

А раны были налицо: губы Линь Чжоу припухли и были искусаны в кровь, на бледной шее алели отчетливые отметины, а на запястьях наливались синяки.

Цзян Шиянь судорожно вздохнул, отвел взгляд и, пошарив в ящике комода, достал пачку сигарет.

Пачка была давно открыта, сигареты отсырели — видимо, лежали здесь еще с тех пор, как он уехал два года назад. Линь Чжоу никогда не утруждал себя уборкой ненужных вещей.

Зажав сигарету губами, Цзян Шиянь здоровой рукой чиркнул зажигалкой. Отсыревший табак горчил и тянулся с трудом; он зашелся в глухом кашле, отчего его лицо стало еще более серым.

Линь Чжоу со сдержанной злостью наблюдал за этим зрелищем. Наконец он потянулся к столу, вытащил из пачки вторую сигарету и тоже прикурил. Сделав пару затяжек и выпустив колечко сизого дыма, он прямо спросил:

— Как давно?

Вопрос прозвучал размыто, без уточнений, но Цзян Шиянь прекрасно понял, о чем речь.

— С пятнадцати лет.

«С пятнадцати?!»

«Твою мать».

Линь Чжоу едва не перекусил фильтр сигареты.

— Находишь это мерзким? Извращением? — с горькой усмешкой спросил Цзян Шиянь. Дым казался невыносимо горьким на языке.

Линь Чжоу лишь мазнул по нему взглядом, но промолчал.

Цзян Шиянь сделал еще одну глубокую затяжку и глухо рассмеялся над самим собой:

— Некоторые вещи происходят вопреки всякой логике.

«Как тот пятнадцатилетний мальчишка, который в один ужасный день осознал, что хочет собственного лучшего друга. В тот миг им овладел дикий, парализующий страх, смешанный с запретным, невыразимым восторгом».

— Тебе противно? — Цзян Шиянь заворуженно уставился на припухшие губы Линь Чжоу.

«Наверняка в тот момент, когда его целовали без спроса, Линь Чжоу испытывал лишь тошноту».

Линь Чжоу опешил. Этот вопрос застал его врасплох. Честно говоря, за суматохой безумной ночи он просто не успел об этом подумать.

Было ли ему противно?

Яростное желание вырваться — да, безусловно. Но тошноты или омерзения он не почувствовал.

Не отвечая на вопрос, Линь Чжоу спросил о другом:

— И два года назад мы разругались в пух и прах именно из-за этого?

— Да. — Теперь, когда вся его постыдная тайна была вывернута наизнанку, скрывать что-либо не имело смысла. — Я больше не мог видеть рядом с тобой женщин. Не мог выносить мысль о том, что ты будешь с кем-то встречаться, женишься, заведешь детей.

«Охренеть...» — пронеслось в голове у Линь Чжоу. Кроме отборного мата, на ум ничего не приходило.

В комнате воцарилось молчание. За окном зашуршал мелкий дождь, уныло забарабанив по стеклу.

Цзян Шиянь затушил окурок о пальцы, даже не поморщившись.

Линь Чжоу хотел было выругаться на эту глупую привычку прижигать кожу, но сдержался и отвернулся.

«Хочешь калечить себя — валяй, черт с тобой».

Цзян Шиянь тяжело вздохнул и с трудом выдавил:

— Нам лучше больше не видеться. Если бы не глупые козни Сяо Жаня против тебя, я бы не вернулся. Теперь все карты раскрыты. Давай просто разойдемся.

Эти слова заставили Линь Чжоу вскипеть. Он выплюнул сигарету прямо в Цзян Шияня и шагнул к нему, сверкая яростным взглядом:

— Ты издеваешься?! Мало тебе было одного раза, решил по новой этот цирк устроить?!

— Я не устраиваю цирк, — тихо ответил Цзян Шиянь.

Грудь Линь Чжоу тяжело вздымалась. Наконец, сделав над собой усилие, он пошел на попятную и глухо произнес:

— Ладно. Забудем. Я сделаю вид, что ничего не знаю. Будем общаться как раньше.

— Не сможем, — покачал головой Цзян Шиянь с тоскливой улыбкой. — Как раньше уже не будет, Линь Чжоу.

— Почему это не сможем?! — вскинулся тот. — Сколько можно упрямиться? Я же сказал: я просто выкину это из головы!

— Но ты уже знаешь, — Цзян Шиянь опустил глаза. — Если мы вернемся к прежней дружбе, это значит, что я не буду претендовать на твои чувства, но и ты не должен заводить девушек, жениться или рожать детей. Мы продолжим жить бок о бок, и я обещаю больше не распускать руки. Ты сможешь пойти на такие условия?

«Да он поехавший...» — Линь Чжоу ошалело уставился на него, не зная, что ответить на этот бред. Мозг отказывался обрабатывать услышанное.

— Я сумасшедший, да? — горько усмехнулся Цзян Шиянь. — Вот видишь. Ты не можешь этого принять.

Линь Чжоу окончательно потерял самообладание:

— Да что ты вообще несешь?! Чего ты от меня хочешь? Я тебе задолжал, что ли, по жизни?!

— Я хочу сказать, что без тебя я не могу существовать, — припечатал Цзян Шиянь. — Но если ты оставишь меня рядом и начнешь строить свою личную жизнь, я сойду с ума. И в конце концов либо убью тебя, либо наложу на себя руки. Выбор за тобой. Выбирай.

Линь Чжоу вытаращил на него глаза. Отдельные слова он понимал, но общий смысл казался диким сюрреализмом.

Немного придя в себя, он ядовито усмехнулся:

— Жить без меня не можешь? А последние два года ты что, в коме пролежал? Насколько я видел, господин генеральный директор ничуть не страдал и жил припеваючи.

Чувствуя, что закипает, Линь Чжоу быстрыми шагами направился в кухню, налил полный стакан холодной воды и осушил его залпом.

Цзян Шиянь молча смотрел ему в спину, затем медленно двинулся следом.

Услышав шаги, Линь Чжоу резко повернулся:

— Хватит. Мы оба сейчас на взводе. Остынем — тогда и поговорим.

— Нет, я абсолютно спокоен, — покачал головой Цзян Шиянь. — Никогда еще не соображал так ясно. Боль в руке отлично прочищает мозги.

Он подходил все ближе, не сводя с Линь Чжоу темных, горящих глаз.

От этого взгляда у Линь Чжоу мурашки побежали по коже. За сегодняшний вечер он видел его уже дважды — неприкрытую, дикую похоть.

Сердце предательски зачастило. Отступая назад, Линь Чжоу уперся поясницей в столешницу кухонного гарнитура. Бока, которые Цзян Шиянь до этого нещадно сжимал, отозвались ноющей болью.

Цзян Шиянь остановился вплотную к нему.левой рукой он не спеша, пуговицу за пуговицей, расстегнул измятую рубашку, обнажая крепкий торс.

— Ты что творишь? — напрягся Линь Чжоу.

Цзян Шиянь перехватил его запястье. Линь Чжоу попытался вырваться, но хватка была железной. Силой прижав его ладонь к своему плечу, Цзян Шиянь хрипло выдохнул:

— Вот тебе ответ.

Линь Чжоу дернулся, намереваясь убрать руку, но пальцы коснулись чего-то странного. Кожа под ладонью была неровной.

Вспомнив, как мельком заметил что-то странное на теле друга во время готовки, Линь Чжоу замер. Он медленно отвел ворот его рубашки в сторону.

И обомлел.

Вся ключица, плечо и предплечье были испещрены шрамами. Тонкие и широкие, застарелые белесые отметины и совсем свежие, еще багровые рубцы.

Линь Чжоу шумно втянул воздух сквозь зубы:

— Откуда это у тебя?

— Откуда? — Цзян Шиянь прижал его к столешнице, нависая сверху и практически лишая пространства для маневра. Его бледное лицо застыло, а голос упал до шепота: — Ты ведь спросил, как я выживал эти два года? Вот так и выживал. Каждый раз, когда тоска становилась невыносимой... когда я сходил с ума и хотел все бросить, прибежать к тебе...

Он на секунду запнулся, а затем его голос стал пугающе нежным:

— Линь Чжоу...

Линь Чжоу с трудом сглотнул. В груди все сжалось от тяжелого, удушливого чувства.

— Линь Чжоу, либо мы исчезнем друг для друга навсегда, либо ты останешься со мной. Выбирай.

Цзян Шиянь потянулся здоровой рукой к его лицу, желая коснуться век. В эти глаза хотелось смотреть вечно.

— Ты мне угрожаешь, придурок? — зло уставился на него Линь Чжоу.

— Угрожаю? — Теплые пальцы скользнули по виску. — Ты хоть понимаешь значение этого слова?

«Да пошел ты...» — Линь Чжоу свирепо зыркнул на него.

— Объясню на пальцах, — тихо продолжил Цзян Шиянь. — Если бы Цзян Хэфань взял тебя в заложники, чтобы заставить меня что-то сделать, — это была бы угроза. Потому что ты для меня — самое дорогое на свете. А сейчас... чем я могу тебе угрожать? Своей жалкой жизнью?

Линь Чжоу упрямо молчал. Цзян Шиянь наклонился еще ближе:

— Линь Чжоу, неужели за все эти годы я не заслужил хоть какого-то места в твоём сердце?

Их взгляды встретились. Глаза Цзян Шияня горели лихорадочным блеском.

Линь Чжоу был прижат к столешнице, отступить некуда. Их губы почти соприкасались.

Цзян Шиянь подался вперед для поцелуя.

В этот момент Линь Чжоу резко перехватил его раненую руку, вздернул ее вверх, а другой рукой нащупал на столе стакан и плеснул остатки холодной воды прямо в лицо Цзян Шияню.

Ледяной душ сработал мгновенно.

Цзян Шиянь зажмурился. Капли воды потекли по его волосам, скатываясь по подбородку на обнажённую грудь.

— Остыл? — ледяным тоном спросил Линь Чжоу.

Цзян Шиянь отшатнулся и прислонился спиной к холодильнику, тяжело дыша. Он зажал ладонью виски — голова раскалывалась от дикой боли.

— Вали в спальню.

Линь Чжоу подхватил его под руку и потащил в комнату.

Цзян Шиянь бессильно повалился на матрас, закинув здоровую руку на глаза.

Несмотря на алкоголь и боль, он все прекрасно соображал. Он слышал, как Линь Чжоу злобно ворчит, стягивая с него остатки мокрой рубашки.

— Угрожать он мне вздумал! Нашелся пугало, блин. Меня так просто не возьмешь, — бормотал Линь Чжоу, безжалостно стаскивая рукава.

Видя, что тот лежит бревном, Линь Чжоу слегка пнул его по ноге:

— Эй, шевелись давай. Штаны снимай.

Цзян Шиянь послушно расстегнул ремень.

Линь Чжоу сходил в ванную, намочил полотенце горячей водой и вернулся в спальню. Он принялся бесцеремонно обтирать тело друга. Когда влажная ткань скользнула по бугристым шрамам на плече, Линь Чжоу на секунду замер, шумно выдохнул и с новой силой принялся ругаться:

— Башка совсем не варит, да? Если с мозгами проблемы — приди ко мне, я тебе их быстро вправлю. Один хук справа — и все как рукой снимет!

Кое-как закончив обтирание, он натянул на Цзян Шияня одеяло и вытер пот со своего лба:

— Черт, ну и морока. За какие грехи мне это наказание...

«Отродясь ни за кем так не ухаживал».

Вернувшись в гостиную, он вскрыл больничные упаковки и отсчитал несколько таблеток по инструкции. Анестезия на руке скоро должна была сойти на нет, и тогда Цзян Шияня ждала адская ночь.

Снова заполнив стакан, Линь Чжоу зашел в спальню и требовательно толкнул спящего:

— Поднимайся.

Едва разлепивший глаза Цзян Шиянь попытался сесть, но не успел принять устойчивое положение, как Линь Чжоу грубо обхватил его за подбородок, впихнул в рот таблетки и силой влил воду, заставив глотать.

— Пей, кому говорю!

Цзян Шиянь поперхнулся и зашелся в яростном кашле.

Линь Чжоу принялся со всей дури колотить его по спине — так, что едва не выбил проглоченные лекарства обратно.

Когда кашель утих, Цзян Шиянь перевел дыхание и тихо, хрипло рассмеялся:

— Линь Чжоу... Если ты так же будешь ухаживать за своей девушкой, она тебя просто приберет.

— Без тебя разберусь. Спи давай, — буркнул Линь Чжоу.

«Завтра протрезвеешь — посмотрим, как ты похочешь».

— А ты где ляжешь? — спросил Цзян Шиянь.

Он помнил, что в этой квартире была только одна полноценная спальня. Раньше Линь Чжоу занимал первый этаж, а на втором оборудовал под себя лишь одну комнату, превратив остальные в кабинет и гардеробную. Позже кабинет переделали под спальню, но кровать там была всего одна.

— Где-где... Здесь и лягу, на кровати, — огрызнулся Линь Чжоу.

— Не надо... — Цзян Шиянь натянул одеяло повыше и закрыл глаза. — Не ложись со мной. Мне тяжело.

Линь Чжоу аж челюсть уронил от такой наглости.

«Да ты издеваешься!»

«Словно я сам горю желанием делить с тобой постель!»

Разъяренный Линь Чжоу рванул к шкафу, вытащил запасное одеяло, сгреб подушку и зашагал в гостиную.

«Мать твою, и за какие грехи я должен спать на диване в собственном доме?!»

<http://bllate.org/book/18995/1939472>